

Пятнадцать лет — как раз подходящий возраст для Фанье.

Су И провозилась изрядно долго, прежде чем Чжан Жуйтань, выступавший в роли главного экзаменатора, наконец сдался и позволил ей отправиться в путь вместе с ними.

— Не бегай где попало.

К чужим добрым напутствиям Су И отнеслась с видимым смирением и готовностью учиться, а вот что у неё было на уме на самом деле — зависело исключительно от неё самой.

Она, правда, предлагала Байма поехать вместе, но Байма больше по душе пришлась такая жизнь, похожая на уединение, да и к местам проживания ханьцев та особая интерес не испытывала. Лишь накануне отъезда она отдельно наказала Чжан Хайсину приглядывать за Су И, чтобы та не испарялась стоило только ослабить хватку.

Город Чанша в те времена всё ещё пребывал в хаосе междоусобиц, где каждый служил своему господину, однако по сравнению с другими прибрежными городами, имевшими концессии, здесь было относительно спокойно, и на улицах еще работало немало лавок.

Появление автомобиля иностранцев в таком внутреннем городе могло стать сенсацией на первой полосе газет.

Хозяйкой машины была знатная барышня, вернувшаяся после учебы за границей. Говорили, что её мать — уроженка прекрасной страны, и даже проклятые японцы, сильнее всех бесчинствовавшие в Китае, не смели останавливать автомобиль этой барышни, под песни и пляски провожая взглядом драгоценное сокровище, разъезжающее повсюду.

Откуда же взялись эти слухи? Разумеется, их ценой собственной жизни передали те, кто шёл впереди. Разве вы не видели, что начальник городской обороны лично вышел встречать её? Мог ли такой статус и роскошный приём оказаться фальшивкой?

Су И и в страшном сне не могла представить, что Чжан Жуйтань, желая одновременно спровадить её и приставить к ней соглядатая, прямо у неё на глазах подкупит местного начальника городской обороны. Он без лишних слов пожаловал ей статус знатной барышни, вернувшейся из-за моря, и особо предупредил, что у этой госпожи скверный характер, так что прислуживать ей должно как можно больше людей.

И хотя она изначально не собиралась по-настоящему спускаться в гробницы вместе с членами семьи Чжан, бросать её одну в этом незнакомом месте было уже чересчур!

Четверо членов семьи Чжан с иероглифом Жуй в имени, с которыми никто и не думал считаться как с людьми, молчали. Они были просто бездушными телохранителями, чьи чувства никого не волновали — тем более барышню. Ничего страшного, даже если к ним относились как к пустому месту: они сами спрячутся в уголке и поплачут потихоньку.

Нынешнего начальника городской обороны Города Чанша звали Хэ. Он был сребролюбивым тучным дядькой средних лет, с первого взгляда казавшимся отнюдь не добрым человеком, и его взгляд заставлял Су И чувствовать себя неудобно.

Устроив хрупкую барышню из числа цзяожэнь, Чжан Жуйтань только после этого выехал за город, чтобы встретить юношей, которым предстояло пройти Фанье. Ему нужно было доставить их в назначенные точки, оставив им лишь самые необходимые инструменты и ничего больше, а три года спустя посмотреть, кто сумеет вернуться живым.

Особенно это касалось Чжан Хайсина, который был для Су И больше всего.

— Это одно из представительств семьи Чжан, здесь вы можете получить подробную карту окрестных древних гробниц. В течение трёх лет добудьте всё самое ценное, что сможете взять, и доставьте мне. Пройдут испытание только те, кто останется в живых, семье Чжан не нужны неудачники.

Неудивительно, что сородичи терпеть не могли браться за работу главных экзаменаторов на Фанье: сказав столько слов за один раз, Чжан Жуйтань чувствовал, что ему целый год не захочется открывать рот.

Несколько десятков юношей приступили к делу, а Чжан Жуйтань, завершив задание, снова поспешил обратно в Город Чанша.

Су И, которую пичкали деликатесами и окружали всяческой заботой, воспользовалась тем, что за ней никто не следит, и тайком сбежала.

Это был уже тридцать третий раз, когда она сбежала, вот только оставалось гадать, сколько времени на этот раз понадобится Чжан Жуйсяню и остальным, чтобы её отыскать.

До сих пор её самый долгий побег длился полчаса — если переводить на её собственное исчисление, это составляло тридцать семь минут, — а в самый короткий раз её ловили ещё до того, как она успевала выбежать из дома семьи Чжан.

Поскольку она знала, что помимо этих четверых на виду, за ней по пятам следуют и другие члены семьи Чжан, Су И совершенно не боялась. Разве что ей вздумалось бы покончить с собой и заглянуть на оружейный склад — в противном случае беды не случится. Хотя пламя войны еще не докатилось до Города Чанша, огромный поток беженцев сильно подкосил местный порядок.

Увернувшись от пары беспричинно упавших карманников, Су И сама не заметила, как дошла до реки, а затем у моста наткнулась на миловидную девушку, которая продавала себя, чтобы похоронить мать.

Знакомая белая лилия, знакомый бугай, знакомый сюжет с героическим спасением красавицы.

Су И велела догнавшему их Чжан Жуйсяню избить задиру, пытавшегося силой увести девушку, и двух его подручных, а затем дала белой лилии немного денег, чтобы та сначала предала тело земле.

— Что планируешь делать дальше?

Су И задала этот вопрос просто к слову, но ответ белой лилии застал её врасплох — точнее, девушка ответила то, чего Су И никак не ожидала услышать.

— Когда похороню отца, я собираюсь продать себя в веселый дом. По крайней мере, там останется шанс выжить, да и с прежними подругами поведу.

Су И немного подумала и в конце концов ничего не ответила.

Что она могла сказать? Спаси она эту девушку, её охватит жадное желание спасти ещё больше людей, и что тогда делать? Семья Чжан вовсе не славится своей добротой.

Она знала, что эта война закончится, но впереди оставалось ещё тридцать-сорок лет тягот и лишений, иные же, возможно, проживут всю жизнь, так и не дождавшись рассвета.

Заметив, что Су И упала духом, Чжан Жуйсянь нахмурился и велел подоспевшему по меткам Чжан Жуйяю пойти и утешить её.

Они переглянулись взглядами.

— Если цзяожэнь опечалится, она может умереть? Иди скорей утешь её!

— Сам почему не идёшь?!

— Я не умею! Иначе зачем бы я звал тебя?!

— Я тоже не умею! Нас в семье такому не учат!

— Ох, а что если она от тоски умрет?

— Устроим ей погребение вместе с госпожой! Или назовем это гибелью во имя любви, так, пожалуй, звучит красивее.

У дороги пожилая пара продавала сахарные лепешки из рисовой муки. Су И купила две порции, велела Чжан Жуйсяню сначала съесть одну и, убедившись, что после этого с ним ничего не случилось, съела вторую.

— Почему она сначала смотрит, как ем я, а потом ест сама? Боится, что еда ядовитая?

— Наверное, хочет проверить, не слишком ли горячо.

Су И, обжегшая губы так, что кожа слезла, с трудом доела лепешку и сунула оставшуюся Чжан Жуйяю.

— Вы ведь тоже умеете делать маски из человеческой кожи?

Парочка товарищей по несчастью с обожженными волдырями на губах кивнула, не понимая,

что на этот раз взбрело в голову этой хрупкой маленькой цзяожэнь.

Спустя сутки три сгорбленные фигуры под слегка расширившимися от удивления взглядами двух членов семьи Чжан тихонько выскользнули через черный ход из особняка, где они остановились.

Чжан Жуйсянь заранее разведal дорогу и повел остальных двоих петляя из стороны в сторону, пока наконец не вывел в трущобы, где ютились беженцы.

Называть это лачугами было бы слишком роскошно.

Место представляло собой заброшенные и разрушенные здания, у которых беженцы расчистили несущие стены и фундамент, а затем наскоро соорудили навесы из подручных материалов. О защите от ветра и тепле нечего было и думать — стоило дождю пойти посильнее, как он уничтожил бы целый квартал таких лачуг.

В подобном районе беженцев царил пестрое смешение всех слоев: воры, карманники, хулиганы и бандиты — чуть ли не каждый встречный сверлил их настороженным взглядом.

Время от времени Су И улавливала знакомый, затаившийся глубоко в памяти смрад — так пахло от тех, кто отведал мясо двуногих овец.

Давно не ощущавшая себя окруженной сплошной злобой, Су И протянула руку и вцепилась в лохмотья Чжан Жуйсяня. Шедший позади Чжан Жуйсянь тоже чутко уловил нервозность и беспокойство Су И и, сделав два шага вперед, зажал её между собой и Чжан Жуйсянем.

Хотя передвигаться так было не слишком удобно, Су И чувствовала себя в абсолютной безопасности.

Пройдя по самому краю лагеря, они прикинули примерное число беженцев — оно оказалось чуть ли не больше, чем все постоянное население Города Чанша.

При таком численном превосходстве, если бы в руках у чиновника Хэ не находилось столько огнестрельного оружия, беженцы наверняка уже подняли бы бунт.

<http://bllate.org/book/21367/2176379>